

РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ, ТИПЫ, КОНКРЕТНЫЕ РАЗБОРЫ

ББК 84
УДК 82-14

Ю. М. Тхагазитов¹

ORCID: 0000-0001-5566-9156

*Институт гуманитарных исследований –
филиал Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-
Балкарский научный центр
Российской академии наук”»,
36000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, д.18
Нальчик, Россия
yutkhag@gmail.com*

РАЗВИТИЕ ЭПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КЕШОКОВА (ШТРИХИ К МЕТОДОЛОГИИ)

В данной работе рассматривается трансформация жанровой системы и художественного мышления в творчестве А. Кешокова в аспекте преемственности эпоса и романного мышления в контексте тенденций развития жанровой системы в адыгской литературе. В статье предлагается новая интерпретация кабардинского эпического мышления и иные методологические ориентиры осмысления творчества А. Кешокова.

Актуальность исследования определяется выявлением своеобразия традиционных ценностей и эволюции религиозно-этического сознания в советский и постсоветский период творчества А. Кешокова. Акцент на характеристике религиозно-этических ценностей в творчестве А. Кешокова имеет необозримую протяженность как в прошлом, так и будущем.

¹ Тхагазитов Юрий Мухамедович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”», г. Нальчик, Россия.

Фокус внимания обращен к ключевой для северокавказского литературоведения проблеме – феномену авторского присутствия в тексте и его возможности структурирования национальной художественной картины мира.

Таким образом, нюансы изучения данной темы позволяют воссоздать научно-аргументированный взгляд на картину жанровой эволюции эпопеи и романа у А. Кешокова, уточнить их концептуально-идеологические составляющие в рамках системного их осмысления-переосмысления. Полученные результаты в рамках «аксиологии перечтения» вносят вклад в изучение эволюции северокавказского художественного сознания от этнического мышления к романному, что, собственно, и определяет особую актуальность данного исследования.

Ключевые слова: эпическое мышление, романное мышление, сюжет, этика

Можно с гордостью сказать, что и сегодня творчество А. Кешокова не стало литературной историей, а вписывается в животрепещущую современность, укрепляя душу читателя в наше сложное и противоречивое время. В. Солоухин писал: «Для истинного поэта поэзия – это и есть его общественное поведение, а его поведение – это и есть его поэзия» [1, 254].

Именно здесь мне хотелось вспомнить один случай из нелитературной биографии писателя. Алим Пшемахович, занимавший пост заместителя председателя Совета министров, говорят, принял решение, идущее вразрез с официальной политикой того времени – ликвидацией личного подсобного хозяйства тружеников села. В действительности всё было, наверное, куда сложнее, или не совсем так, но народ никогда не приписывает легенд людям, их не заслуживающим. И в ответ на это доверие – всегда мужественное и гордое слово поэта:

Я жил под щедрым камнезвездным небом,
Я стал частицей этих твердых скал.
Порой из них не мог я выжать хлеба,
Но слово я из камня выжимал [2, IV, 44].

Долитературная традиция адыгов, от нартского эпоса до историко-героической песни, стремилась воплотить в себе мир человека в самых его глубоких связях с полнотой бытия народа. Вот основа творческого кредо А. Кешокова. К какой бы теме он ни обратился (любовь, горы, небо, человек в его перипетиях предназначения), всегда можно наблюдать в его творчестве эпический синтез (соединение лирического начала с народно-эпической

традицией), который отличает почерк Кешокова, поэта и прозаика. Приведем несколько примеров из раннего поэтического творчества А. Кешокова с его романтическим порывом и устремленностью к гармонии и пластике национально-эпического мышления:

О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный Путь провел бы на земле [2, 89].

А вот и другие, прекрасные своей лукаво-ироничной концовкой, стихи:

Куда тебя, прыть молодая,
Несет под полночной луной?..
Смеется джигит: «Никогда я
Не езжу дорогой дневной!» –
«Безумец, коль веришь в удачу,
Посватай-ка дочку мою!
Добьешься согласия – в придачу
Любого коня отдаю!» –
«Чужих скакунов не седлали,
Дареных не держим коней.
А дочка твоя... – не она ли
Под черною буркой моей!...» [2, 156].

Здесь и в других произведениях А. Кешокова ироническое начало художественного решения, казалось бы, незыблемых устоев народного бытия трансформируется у поэта в реальность эпического обобщения. Отсюда – значительность поэтической образности, её воздействие на сознание отдельного читателя, а также на развитие эпического мышления в национальной литературе.

Здесь стоит особо остановиться на структурообразующей специфике кешоковской иронии в стихотворениях, тяготеющих к «аллегорической балладе» (З. Налоев). В них нередко сталкиваются два мировоззрения: представителей старого уходящего мира и нового поколения. Пока «старость спит», молодежь успевает прожить целую жизнь, полную драматических неожиданностей.

Композиционная структура с оппозиционным ядром «старость – молодость» встречается в стихотворении «Доктор». С заметным ироническим оттенком автор описывает отношение старых и молодых работников «к докторше в белом халате». Старые старались выглядеть молодцевато и доказывали, что, несмотря на седые виски, они совершенно здоровы.

А хъыджэбзыр зэралъагъуу
Щалэ псори кытехуаш.
Хэт и нитырр кьолыдыгыр,
Хэт техъэгъуэ кытехъаш
«Дохутыр» [2, 345].
Но зато оказались больны,
Хоть недавно здоровыми были,
Молодые в горах чабаны
И к врачу на прием поспешили [2, 90].
«Доктор». Пер. В. Цыбина

Молодые же, наоборот, притворяются больными, чтобы получить дополнительное внимание от симпатичной докторши. Но им не везет: результат обследования показывает, что у них нет «ни ушиба», «ни прострела», «ни единой болезни». Для эпического мышления А. Кешокова характерно умелое вплетение в остро занимательный сюжет диалогов, благодаря которым читатель слышит живые голоса стариков, врача и молодого человека.

Перечисляя основные признаки современного балладного типа стиха, В. К. Чумаченко называет «повествовательный лирический сюжет, особую сжатость, концентрированность действия, стремительность, динамичность развертывания событий, сосредоточенность на отдельных, чаще всего, наиболее напряженных моментах сюжетного действия» [4, 67].

Поддерживая концепцию В. К. Чумаченко о том, что современный тип русского балладного стиха в своих генетических основаниях содержит не только западноевропейский первоисточник, но и русский фольклор, подчеркнем, что сходная ситуация наблюдается и в кабардинских балладных стихотворениях, также испытавших влияние родного фольклора. Во многих балладных стихах кабардинских авторов угадывается художественная форма коротких сюжетных рассказов «хыбар», «таурых», широко распространенных в фольклоре кабардинцев. «Хыбар» отличается поэтизацией какого-то одного, чаще экстраординарного случая, завершающегося авторским назиданием, которое может быть выражено открыто или в подтексте повествования

Лейтмотивом творчества А. Кешокова всегда оставалась тема родины в ее радостных и трагических испытаниях:

Скала единой глыбою была,
Была она величьем знаменита,
А ныне даль осколками покрыта,
Судьба народа, как судьба гранита [2, IV, 76].

За постоянством темы стоит нарастающий традиционно-ценностный потенциал эпического мышления, как преодоление сиюминутного восприятия противоречивого бытия.

В оценках нашей и союзной критики творчество А. Кешокова давно стало не только ориентиром, но и мерой в оценке развития национальной и советской многонациональной литературы, и прежде всего, это произведение «Вершины не спят».

Национальная эпопея (напрашивается и формулировка роман-эпопея) повествует об этапе истории кабардинского и балкарского народов предоктябрьской, революционной и послереволюционной эпох. А. Кешоков художественно исследует закономерности этого исторического движения, которое воедино связано с судьбами отдельных героев. Народ и революция, утверждение социалистических преобразований в Кабардино-Балкарии, становление национальной интеллигенции – вот далеко не полный перечень тем, которые нашли отражение на страницах «Вершин...». Социально-политическую атмосферу 20-30-х годов в нашей республике уважаемые доктора фальсификации (по удачному выражению Р. Быкова) продолжали тогда трактовать с вульгарно-социологических позиций. Неужто беды тех лет, нависшие над всей страной, благополучно миновали нас? В этом смысле «Вершины...» оставались единственным источником, раскрывающим перед нами драматизм этой эпохи. Остановлюсь на значимом для адыгских литератур герое Казгире Матханове.

Вспомним ключевой диалог Инала Маремханова и Казгери Матханова из «Вершин...». Инал говорил: «И теперь я уже не скажу: наши пути еще могут слиться. Нет, они не сойдутся никогда, как не сойдутся вновь эти два ручья». Казгирей, как бы вновь обдумывая речь Инала, искал возражения: «Эти ручьи опять сольются, если убрать вон ту скалу, которая их разделила... Видишь ее?» [3, 223].

Одно из самых важных достижений «Вершин...» А. Кешокова – это то, что общечеловеческие интересы ставятся выше классовых. Этот непривычный для нашей литературной критики ключ открывает нам новые проблемные грани изучения в опередившем время кешоковском произведении, позволяет убрать скалу, разделяющую наше прошлое и настоящее.

Я думаю, что один из лучших интерпретаторов творчества А. Кешокова М. Сокуров сейчас уже уточнил бы свои слова, написанные много лет назад: «Логика социальной борьбы беспощадно изобличает объективно несостоятельную, реакционную в своей основе идею шариата, на основе которой Матханов тщится примирить враждующие социальные сословия и классы» [3].

Казгирей Матханов – большая удача писателя, но где же истоки это самого загадочного в адыгских литературах героя? В этом богатом художественном мире произведения озвучены все звенья народно-эпических традиций, уходящих своими корнями в фольклорно-мифологические представления адыгов. А. Кешокову удалось воссоздать диалог традиций в конкретно-исторических условиях. К примеру, интересно, что духовные искания Жабаги Казаного и Казгирея Матханова обозначены одним путем: Северный Кавказ – Москва – Мекка. Я привел этот пример не только ради внешней, но и более глубоких аналогий, хотя писатель, возможно, приходит к ним подсознательно. Ощущаются и явные генетические корни «Вершин...» – это история Шоры Ногмова и идеи баксанского просветительского центра, структурировавшие духовное пространство эпопеи.

В другом знаковом произведении А. Кешокова – «Сломанной подкове» народ снова предстал перед своей судьбой. Всегда актуальную проблему нравственности выбора, возникшую перед целым народом, А. Кешоков воссоздает в борьбе лучших народных традиций с национальной замкнутостью в идеализации прошлого (Локотоп – Бештоев). Диалектическое понимание соотношения национального и общечеловеческого делает «Сломанную подкову» многомерным произведением. И здесь писатель дал ряд запоминающихся национальных характеров, ставших неотъемлемым фактором трансформации общественного сознания и национальной художественной культуры в целом. Образ Хабибы – центр национально-художественного повествования. Именно у таких людей, как Хабиба, учился понимать жизнь А. Кешоков и, как говорится, вернул народу образ обогащенным.

Для «Сломанной подковы» точка зрения автора совпадает с народной, и идет она из глубины народного бытия, а потому идея целостности национального сводится к содержательно-формообразующему образу Хабибы. Отсюда, в силу следования фольклорной мотивировке, движение коллизии в «Сломанной подкове» осуществляется не столько по причинно-следственной логике внешних событий, сколько по глубинной логике борьбы Добра и Зла. Отсюда и включение в сюжет, казалось бы, не влияющих на интригу эпизодов.

Если рассмотреть прозу А. Кешокова в рамках эволюции жанровых форм в национальной литературе, то вырисовывается эволюция писателя от эпопеи к собственно романному мышлению. Рискну предположить, что «Сломанная подкова» была задумана в традиционных требованиях жанра романа, но автор вынужден был следовать за саморазвитием образа Хабибы и не «смог», возможно,

реализовать свой первоначальный замысел.

Итак, герои А. Кешокова в «Сломанной подкове» выдержали трудные испытания, нравственный итог которым подводит Бекан, выражая в форме традиционной мудрости новое отношение к историческому пути своего народа: «Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана».

Что и говорить, «Сломанная подкова» – сложная вещь, отсюда у А. Кешокова трудности не только творческого порядка. Наша литературная, и не только литературная, общественность понимала и решала эти непростые проблемы с необыкновенной легкостью. Критика А. Кешокова (только одного А. Кешокова) в иные времена была доступна всем, а некоторые стратеги, наблюдавшие за суровыми событиями Великой Отечественной войны со стороны, спустя много лет после войны храбро атаковали непосредственного участника войны всеми имеющимися под рукой демагогическими средствами и приемами. Даже несмотря на активную поддержку московских критиков, в республике сложилась ситуация, когда на неприятии «Сломанной подковы» можно было закрепитесь на престижной должности. «А лбы их были крепкие!» – сорвавшимся (через много лет после всего этого) голосом произнес на вечере в КБГУ Алим Пшемахович. Кто знает, не пришли ли тогда ему на память давние его стихи, посвященные верному другу Кайсыну Кулиеву:

Мы – всадники, что стремя в стремя

Летят, избрав нелегкий путь,

И волны поднимает время

И опускает нам на грудь [2, IV, 267].

Нужны ли нам сегодня эти воспоминания о прошлом? В том конфликте А. Кешоков, будучи настоящим художником слова, видел реальную историю своего народа, а оппоненты удобоваримую для себя версию «своей» истории войны. Последствия конфликта не преодолены и сегодня. Например, до сих пор не звучит по радио прекрасная песня на слова А. Кешокова «Адыгское небо». Интересно, кто мог посметь (или даже подумать) упрекнуть А. Кешокова в национализме?

А вот что говорит сам А. Кешоков о национальном: «Я уверен, что национальное своеобразие – это то, что людей сближает, а не разъединяет» [2].

В изучении самых значимых художественно-стилевых аспектов для кабардинской литературы XX века наблюдается эволюция эпоейного мышления к собственно-романному мышлению, и это, прежде всего, произведения «Горцы» А. Шортанова, «Вершины

не спят», «Сломанная подкова», «Восход луны» А. Кешокова.

Таким образом, А. Кешоков опередил направление национального современного литературного процесса в XXI веке. Творчество А. Кешокова, уверен, станет знаковой основой дальнейшего развития кабардинской литературы в условиях противоречивой для традиционных культур глобализации-западнизации.

Список источников

1. Марушенко А. А. Трансформация этических смыслов в искусстве переломных эпох // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 242-246.
2. Кешоков А. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Художественная литература, 1982.
3. Нарты: адыгский эпос: в 2-х т. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. 424 с.
4. Сокуров М. Лирика Алима Кешокова. Лирика Алима Кешокова. Нальчик: «Эльбрус», 1969. 224 с.
5. Чумаченко В. К. Русская поэзия второй половины XX столетия. Краснодар: Кубан. гос. ун-т культуры и искусств 2005. 158 с.

REFERENCES

1. Marushchenko A. A. Transformatsiya eticheskikh smyslov v iskusstve perelomnykh epokh [Transformation of ethical meanings in the art of turning points]. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2015. Issue 2 (6). Pp. 242-246.
2. Keshokov A. Sobraniye sochineniy v 4-kh tomakh [Collected Works in 4 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982. 3380 p.
3. Sokurov M. Lirika Alima Keshokova [Lyrics of Alim Keshokov]. Nalchik: Elbrus. 224 p.
4. Chumachenko V. K. Russkaya poeziya vtoroy poloviny XX stoletiya [Russian poetry of the second half of the 20th century]. Krasnodar: Kuban. Gos. Un-t kul'tury i iskusstv, 2005. 158 p.

EPIC THINKING DEVELOPMENT IN A. KESHOKOV'S CREATIVITY (METHODOLOGY FEATURES)

Yuri M. Tkhagazitov

Doctor of Philology, Leading Researcher at the Kabardian-Circassian Literature Sector, Institute for Humane Research – branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchike, Russia)

Abstract

This paper examines the transformation of the genre system and artistic thinking in the works of A. Keshokov in the aspect

of the continuity of the epic and novel thinking in the context of the trends in the genre system development in Adyghe literature. The article offers a new interpretation of Kabardian epic thinking and methodological guidelines for understanding A. Keshokov's works.

The relevance of the study is determined by the uniqueness of traditional values – the evolution of religious and ethical consciousness – A. Keshokov's work in the Soviet and post-Soviet period. The emphasis on the characteristics of religious and ethical values in A. Keshokov's work has an immense extent both in the past and in the future.

The focus of attention is on the key problem for North Caucasian literary studies – the phenomenon of the author's presence in the text and its ability to structure the national artistic picture of the world. Thus, the nuances of studying this topic allow us to recreate a scientifically reasoned view of the picture of the genre evolution of the epic and the novel by A. Keshokov, to clarify their conceptual and ideological components within the framework of their systemic comprehension and rethinking. The results obtained within the framework of the “axiology of rereading” contribute to the study of the evolution of the North Caucasian artistic consciousness from ethnic thinking to novelistic, which, in fact, determines the special relevance of this study.

Keywords: epic thinking, novel thinking, plot, ethics

Для цитирования: Тхагазитов Ю. М. Развитие эпического мышления в творчестве А. Кешокова (штрихи к методологии) // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 24–32.

Поступила в редакцию 22.07.2025